

ЦИРКОВОЕ

Я цирки не люблю. Там плачут звери,
недрессированный хохочет зритель,
по акробатке не вздыхает осветитель,
а клоун раскурочен и потерян,

медведь в цветных штанах не помнит маму,
крутя колеса зло, с остервененьем,
слониха ожидает потепленья,
пенсне разбилось у мартышки Аму.

Сродни арена адовому кругу.
Живой списали только крокодилу
да Ариадну — грустную гориллу —
в богатый дом купили, как прислугу.

Софиты — словно аленький цветочек,
а чудище с хлыстом златит зубами.
Ах, львиная душа, лети над нами,
покуда ящик твой не заколочен.

Повсюду чудятся ободранные шкуры.
В трико змеятся дурочки и дуры...

Я цирки не люблю. Я плачу зверем.

*

Мне бы дымчатого драного кота
с мышью из церковного двора,
чёрную смородину с куста
да живой водицы полведра.

Сварит бабушка густой-густой кисель,
позовёт к родному шалашу...
Небо-небо — старенькая гжель,
не разбейся, господи, прошу.

Леля

СЕРЕБРЯНАЯ

*

Свергли памятник.
Встало дерево.
Оказалось рябиною,
никем не хранимою,
в снегириное зарево
на морозе всё куталась...
Только кровь — это палево.
Время улицы спутало,
ни названий, ни памяти,
ни страны, ни околицы...
— Полно, девонька, баяти,
помолчи, мы помолимся.

СЧИТАЛКА

Жизнь засвечена, как плёнка,
и не видно ни черта.
Сохнет детская пелёнка,
стонет леса нагота.

Были-сплыли мама с папой,
догорает керосин.
Замирай, а лучше драпай.
Шишел-мышел. Ты — один.

СОЛДАТИК

Топольих почек смольная настойка.
Дымят у пристани домишки-корабли.
Солдатик был — не оловянный — стойкий —
Спустился к берегу с бутылкой инвалид.

С утра першило в горле, словно стая
Туда синичек малых забралась.
Но женщина цветисто-молодая
Дала копеечку... Такую отродясь

Не выдывал — шаль изроза, с кистями.
Пахнуло мамой, «Красною Москвой».
Последний снег, чуть зримый — бубенцами...
С мужской сошёлся — не скупой — слезой.

Поплачь, мой брат, судьба не лыком шита.
Одной ногой вращай в страну берёз.
Река, гляди, как водочка, разлита.
И лодку держит нетверёзый трос.

*

И день и ночь в полупотьмах, в поту.
Не для меня краснеет царскосельский
Листок дубовый. Скоро упаду,
Не разгадав секрет полишинельский
Усталой жизни, пеняя шмеля.
Зачем цветы до холода мерцали?
Пустеют гнёзда, но тепла земля —
Ей плачется забытыми птенцами.

*

На крови, на меду птицын голос замешан.
Колоколенка спит на пригорке, в раю.
Ветер кроны тополя до заутрени тешит.
Я кораблик из слов потихоньку творю.

То ли пьян, то ли трезв — пляшет воздух весенний.
В лёгких полно, как будто глотнул облаков.
После долгой болезни — луч зари внутривенный
И рецепты любимых, нечужих адресов.

На трамвайчике хлипком, дребезжащем и зыбком,
Развесёлом, тринадцатом плыть просто так.
Говори же со мной, златоустая рыбка,
Пока старую сеть не закинул рыбак.

*

Подержи, мой милый, на весу
Облачно-июньскую слезу.
У сирени Бога попроси,
Землю, как рубаху, доноси

До рябинового красного стежка,
Иван-чайного нерваного лужка.
Выбеленный холст Оби-реки
— Сухостоинам — на малые глотки.

...Вот последний заколачивают гвоздь.
Пусть не пелось, не плясалось, но жилось.